

Ангел Богданович

**Юродствующая литература:
«О любви»,
М. О....**

Ангел Иванович Богданович
Юродствующая литература:
«О любви», М. О.
Меньшикова; «Сумерки
просвещения», В. В. Розанова

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5815798

Аннотация

«Есть особый сортъ литературы, для котораго мы не можемъ подобрать болѣе вѣрнаго названія, какъ юродствующая литература. Всякому, конечно, памятно еще изъ учебниковъ, кто были наши юродивые и какими нехитрыми способами привлекали они вниманіе и сочувствіе толпы. Обыкновенно это были нѣсколько поврежденные въ умѣ, но съ достаточной хитрецей нищѣ духомъ, которые при помощи наивныхъ приемовъ старались выдѣлиться изъ ряда обычныхъ нищихъ и создавали иной разъ почетное себѣ имя, перешедшее даже въ исторію. Одни изъ нихъ, затвердивъ какое-либо глупое, но мало понятное слово или фразу, говорили его кстати и некстати и тѣмъ наводили мистическій страхъ на простодушныхъ слушателей...»

Произведение дается в дореформенном алфавите.

А. И. Богдановичъ
Юродствующая
литература: «О любви»,
М. О. Меньшикова;
«Сумерки просвещенія»,
В. В. Розанова

Есть особый сортъ литературы, для котораго мы не можемъ подобрать болѣе вѣрнаго названія, какъ юродствующая литература. Всякому, конечно, памятно еще изъ учебниковъ, кто были наши юродивые и какими нехитрыми способами привлекали они вниманіе и сочувствіе толпы. Обыкновенно это были нѣсколько поврежденные въ умѣ, но съ достаточной хитрецей нищіе духомъ, которые при помощи наивныхъ приемовъ старались выдѣлиться изъ ряда обычныхъ нищихъ и создавали иной разъ почетное себѣ имя, перешедшее даже въ исторію. Одни изъ нихъ, затвердивъ какое-либо глупое, но мало понятное слово или фразу, говорили его кстати и некстати и тѣмъ наводили мистическій страхъ на простодушныхъ слушателей. Другіе ограничивались тѣмъ, что ходили въ одной рубахѣ или ѣздили на палочкѣ верхомъ, и видъ бородатаго субъекта въ такомъ легкомысленномъ ко-

стюмъ, занимающагося такимъ ребячьимъ дѣломъ, приводитъ въ трепеть московскихъ кумушекъ и сокрушаль ихъ сердца. Были между ними подчасъ и искренніе дураки или прямо сумасшедшіе, невмѣняемость дѣйствій которыхъ оказывала тѣмъ большее вліяніе на осатанѣвшую отъ невѣжества и страха толпу. Послѣднимъ представителемъ такого юродствующаго цеха былъ знаменитый Иванъ Яковлевичъ Корейша съ его проникновеннымъ словечкомъ "кололацы", около котораго создавалась даже цѣлая литература, защищавшая и комментировавшая его благоглупости, впрочемъ, довольно невинныя по существу.

Но духъ юродства не вымеръ и не угасъ на святой Руси, и отъ времени до времени онъ осѣняетъ того или иного избранника, который, возмнивъ себя пророкомъ и сосудомъ особой мудрости, начинаетъ неумолимо разводить свои "кололацы", гремѣть "металломъ" и сокрушать "жупеломъ". За послѣдніе годы въ литературѣ объявились даже два такихъ сосуда – г. Меньшиковъ изъ "Недѣли" и г. Розановъ изъ нѣдръ нашей реакціонной прессы. Трудно сказать, кому изъ нихъ надлежитъ пальма первенства, ибо каждый изъ нихъ единственный въ своемъ родѣ и вполне достоинъ унаслѣдовать лавры Ивана Яковлевича. Оба щеголяютъ во всей, если можно такъ выразиться, душевной наготѣ, оба имѣютъ по палочкѣ, на которой лихо гарцуютъ по страницамъ печатной бумаги, на соблазнъ и изумленіе читающаго міра. Палочка у cadaго, конечно, своя. У г. Меньшикова она склеена изъ

обрывковъ проповѣди графа Толстого, плохо имъ усвоенныхъ и сдобренныхъ собственной отсебятиной вполнѣ юрди-ваго содержанія и направленія. То, что у графа представля-етъ стройную систему, съ которой можно соглашаться или нѣтъ, но которой нельзя отказать иногда въ страшной силѣ чувства и энергіи выраженія,— у г. Меньшикова превращает-ся въ наборъ обрывочныхъ и противорѣчивыхъ словечекъ и мыслишекъ, разведенныхъ елейной водицей съ доброй дозой постнаго масла, затаенной злости и несомнѣннаго фарисей-ства. Въ своей книгѣ "Думы о счастьѣ", какъ помнятъ, быть можетъ, читатели, г. Меньшиковъ пытался претворить идеи графа на мѣщанскій ладъ, чтобы сдѣлать бремя ихъ болѣе удобоносимымъ для себя и своихъ присныхъ. Новая книга его "О любви" построена на тотъ же ладъ, какъ увидимъ ни-же, и по юродству не уступаетъ первой.

Г. Розановъ избралъ себѣ палочку другого типа. Для ха-рактеристики ея довольно вспомнить одинъ изъ недавнихъ его подвиговъ, когда по поводу годовщины прискорбнаго со-бытія на Ходынскомъ полѣ онъ забилъ въ бубны и тимпаны и, ликуя, возгласилъ "аллилуйя!" Или его проповѣдь "жи-вотности", какъ главнаго начала и устоя семьи. Черезъ всѣ его юродства красной нитью проходитъ мысль о грубой силѣ, которая ему представляется единственнымъ *argumentum ad hominem*, достойнымъ поклоненія. Въ церковь, имя которой онъ постоянно всуе повторяетъ, онъ готовъ людей загонять дубиной и не прочь жечь на кострахъ несогласномыслящихъ.

Науку и просвѣщеніе онъ ненавидитъ и, не обвинуясь, предлагаетъ скалозубовскій методъ воспитанія. Единственную свободу онъ признаетъ для себя, какъ право говорить свои откровенія, образчики которыхъ мы приведемъ ниже. Въ отличіе отъ г. Меньшикова, который не пишетъ, а баюкаетъ, не говоритъ, а сладко глаголетъ, не разсуждаетъ, а ткеть тончайшую сѣть афоризмовъ, въ которой въ концѣ-концовъ запутывается и онъ самъ, и читатели до полного одурѣнія, г. Розановъ съ величайшими усиліями громоздитъ фразу на фразу, бьется надъ словомъ, подыскивая возможно мудренѣе, вычурнѣе, тяжеловѣснѣе, для вѣщаго удрученія читателя, который прямо-таки раздавливается этой неуклюжей постройкой. Чтеніе произведеній г. Розанова есть тяжкій и удручающій трудъ. Все время чувствуешь себя словно въ темномъ, непроглядномъ мѣстѣ, гдѣ то и дѣло натыкаешься на углы и закоулки, рискуя постоянно удариться лбомъ въ совершенно неожиданный выступъ, или провалиться въ волчью яму. И происходитъ это не столько отъ путаницы мыслей автора, вообще, примитивныхъ и дѣтски-невѣжественныхъ, сколько отъ витіеватости его слога, тяжкаго, темнаго, удушающаго, какъ тѣ густыя, зловредныя испаренія, которыя въ осеннія сумерки поднимаются надъ смрадными болотами. Если справедливо изреченіе Бюффона, что слогъ – это человѣкъ, то, составляя по этому слогу представленіе о г. Розановѣ, испытываешь жуткое впечатлѣніе. Его допотопныя мысли, изложенныя допотопнымъ языкомъ, напоминаютъ одно изъ

вымершихъ чудовищъ въ книгѣ Гетчинсона – птеродактиля, представляющаго переходное существо отъ пресмыкающихся къ птицамъ, – небольшое, странное созданіе, нѣсколько напоминающее нашу летучую мышь, – нетопыря, но болѣе фантастическое по формѣ крыльевъ и головы. Эти, въ сущности, невинныя творенія обитаютъ въ затхлыхъ, плохо провѣтриваемыхъ подвалахъ, развалинахъ и старыхъ заброшенныхъ зданіяхъ; по ночамъ они вылетаютъ на добычу, охотятся за ночными насѣкомыми и пугая дѣвушекъ и женщинъ, съ налету ударяясь о ихъ бѣлыя платья и лица, а днемъ они скрываются въ своихъ темныхъ обиталищахъ, вися головой внизъ, прицѣпившись крѣпкими когтями къ мрачнымъ сводамъ. Такъ и господа Розановы укрываются отъ свѣта солнца по разнымъ темнымъ трущобамъ, куда рѣдко-рѣдко заглядываютъ читатели, и лишь въ сумеречные, неясные дни они рѣютъ въ воздухѣ, приводя въ невольную дрожь своимъ фантастическимъ полетомъ и сказочнымъ видомъ. Кромѣ книги "Сумерки просвѣщенія", о которой мы желаемъ поговорить теперь, издатель г. Розанова – П. П. Перцевъ угрожаетъ намъ еще его произведеніями: "Религія и красота", "Литературные очерки" и проч. Все это уже гдѣ-то печаталось, хотя и врядъ ли было кому на потребу. Но не ошибся ли г. Перцевъ, думая, что именно теперь время гг. Розановыхъ приспѣло? Не запоздалъ ли онъ, скорѣе, съ своими изданіями? Не беремся отвѣчать утвердительно на этотъ вопросъ. Пусть, впрочемъ, судятъ сами читатели.

Но прежде о г. Меньшиковѣ; не о немъ, конечно, а о его книгѣ "О любви".

Любовь, любовь – вотъ, по истинѣ, безсмертная, не старѣющая тема, о которой писано и переписано столько, что не хватило бы человѣческой жизни для ознакомленія съ литературой, ей посвященной. Можно себѣ представить, какая это богатая тема для г. Меньшикова. При его многомъ пустословіи, это неисчерпаемый источникъ для безконечнаго потока вздора, искусно завернутаго въ безчисленныя папильотки кокетливаго проповѣдника изъ "Недѣли". Тутъ и Дафнисъ и Хлоя, какъ образцы невинной и, тѣмъ не менѣе, страждущей любви. Тутъ и стихъ изъ Гейне про бѣднаго потомка Азровъ, которые, полюбивъ, умираютъ, – какъ доказательство безпощадности злой страсти. Далѣе Вертеръ подъ ручку съ царемъ Соломономъ, изрекшимъ, что любовь сильнѣе смерти, и пушкинская Татьяна съ Дмитріемъ Карамазовымъ Достоевскаго, Вѣра изъ "Обрыва" и Анна Каренина. А потомъ – непрерывными рядами шествуютъ Шопенгауэръ и Будда, Летурно и Мопассанъ, Мантегаца и Бодлэръ, Вердень и Гомеръ, Байронъ и Шекспиръ, русскіе сектанты, нигилисты и либералы и проч. Словомъ -

Были тамъ послы, софисты,
И архонты, и артисты, —

пока не явился г. Меньшиковъ:

"Онъ рѣчами завладѣль,
И безумными глазами
На красавицу глядѣль".

И, наконецъ, повѣдалъ міру плоды своихъ великихъ думъ, вынесенныхъ изъ этого созерцанія.

Дума первая. "Любовь въ алхиміи счастья есть тотъ философскій камень, прикосновеніе котораго къ самымъ презрѣннымъ вещамъ даетъ имъ цѣну золота. Какъ жизненный эликсиръ, любовь возвращаетъ омертвѣвшему отношенію нашему къ вещамъ огонь молодости. Это не просто очаровательное состояніе жизни – это сама жизнь въ ея творческомъ порывѣ, въ благоуханіи ея расцвѣта". Какова галантерейность г. Меньшикова? Можно ли блеснуть очаровательнѣе, отсалютовать любви болѣе парадно и эффектно? Одна "алхимія счастья" чего стоитъ, – "не хитрому уму не выдумать и въ вѣкъ". Но, зная приемы г. Меньшикова по его прежнимъ подвигамъ въ области философіи и публицистики, мы можемъ быть заранѣе увѣрены, что это – лишь хитроумная ковы, въ родѣ тѣхъ, что придумалъ сердитый Гефестъ колченогій, чтобы накрыть измѣнницу-жену Афродиту съ свирѣпымъ Ареемъ. "И отъ смѣха боговъ дрожаль Олимпъ многохолмный".

Такъ повѣствуетъ нелицепріятный Гомеръ о результатахъ хитрости Гефеста. Нѣчто въ этомъ родѣ испытываетъ и читатель книги г. Меньшикова, когда, развертывая одну за дру-

гой авторскія папильотки, онъ получаетъ въ концѣ концовъ рядъ поученій изъ прописей, что любовь "не исчерпывается любовною *страстью*", что въ "супружествѣ необходима строгая воспитанность въ цѣломудріи и долгъ ненарушимой вѣрности другъ другу", что "чистота духа и тѣла обязательна для мужчинъ и для женщинъ", и что "совершенный союзъ можетъ быть основанъ только на нравственномъ, духовномъ единеніи мужа и жены".

Кажется, что можетъ быть проще и банальнѣе этихъ мыслей, вошедшихъ въ обиходъ мудрости всѣхъ временъ и народовъ, запечатлѣнныхъ и въ религіозныхъ обрядахъ, и въ высшихъ произведеніяхъ общечеловѣческой литературы, и въ народномъ непосредственномъ творествѣ, какъ оно проявилось въ пѣсняхъ и сказаньяхъ? Но посмотрите, какихъ только вавилоновъ не наворотилъ нашъ публицистъ!

Онъ начинаетъ съ самыхъ отдаленныхъ временъ, когда еще дикарь "ударомъ дубины по головѣ повергалъ женщину", и доводитъ эволюцію любви до Мопассана и современныхъ "дамочекъ", которыя въ любви, своеобразно ими понимаемой, видятъ смыслъ жизни. Если въ жизни дикаря любовное чувство не играло никакой роли, то это и есть "естественное состояніе чловѣка", по мнѣнію г. Меньшикова. Только наша извращенная во всѣхъ отношеніяхъ цивилизація отвела этому чувству такое верховное мѣсто, о чемъ свидѣтельствуешь якобы вся наша литература. Непремѣнно "вся", на меньшемъ юродивые публицисты не мирят-

ся. Это ихъ главный аргументъ,— всѣ въ любви "подлецы", всѣхъ любовь превращаетъ въ "свиней". Начинается литературная скачка отъ пушкинской Татьяны до романовъ Стебницкаго, Писемскаго и Ключникова, въ которыхъ предаются осмѣянію якобы дѣйствительные факты изъ жизни нигилистовъ шестидесятыхъ годовъ. Услѣдить за головоломными прыжками г. Меньшикова, отмѣтить всѣ его ужимки и тартюфскія киванья въ сторону "интеллигенціи" — мудрено, да и не нужно. Два-три образчика достаточны, чтобы обрисовать съ головы до ногъ несложную фигуру г. Меньшикова, не безъ граціи гарцующаго на своей палочкѣ въ болѣе чѣмъ легкомысленномъ костюмѣ среди "архонтовъ и софистовъ" и доблестно сокрушающаго перья въ борьбѣ съ Иветой Гильберъ, Отеро и имъ подобными "жрицами любви" (см. стр. 60—61 и другія).

Книга его раздѣлена на четыре главы: "О любовной страсти", "Суевѣрія и правда любви", "Любовь супружеская* и "Любовь святая". Первая посвящена анализу влюбленности и тѣхъ бѣдственныхъ послѣдствій, къ какимъ часто ведетъ страсть. Какъ и вообще мысли г. Меньшикова, его изложеніе въ этой главѣ не блещетъ ни оригинальностью, ни глубиной. Всѣ его вопли по поводу злой страсти тысячи разъ повторялись со временъ Соломона и до нашихъ дней. Невѣрны только его общіе выводы. Онъ комбинируетъ разныя стороны любовной страсти, сваливая въ одну кучу и голую, ничѣмъ не прикрытую, разнузданную чувственность, доходя-

щую до болѣзненности въ лицѣ маркиза де-Сада, и то нѣжное, вполне свободное въ началѣ отъ всякой чувственности – чувство, какое охватываетъ влюбленныхъ съ такой силой въ первый періодъ ихъ влеченія. Грубая ложь звучитъ также въ нападкахъ на литературу, которая будто бы создала и поддерживаетъ въ обществѣ ложный взглядъ на страсть, какъ на идеаль любви. Выудивъ у Пушкина небрежно и вскользь брошенный стишокъ

"Любви не женщина насъ учить,
А первый пакостный романъ",

онъ сейчасъ же строить на немъ цѣлую систему обвиненія противъ литературы. "Въ заурядной семьѣ, гдѣ бабушка читала Грандисона, маменька увлекалась Понсонъ-дю-Терайлемъ, дочь упивается Марселемъ Прево, – въ такой семьѣ изъ поколѣнія въ поколеніе передается мечта о половой любви, какъ нѣкая религія, священная и прекрасная, и всѣ поколѣнія дышатъ одной атмосферой – постоянного полового восторга, постоянной жажды "влюбленности". Великіе авторы, описывающіе любовь во всей ея трезвой, ужасной правдѣ, до большинства не доходятъ, да большинству они и не по плечу; средней публикѣ доступнѣе маленькіе писатели и писательницы, которые, какъ и публика, не знаютъ природы и не умѣютъ быть вѣрными ей, которые не знаютъ, что такое любовь, но тѣмъ болѣе стараются изобразить ее обольсти-

тельной. И вотъ тысячами голосовъ, исходящихъ "свыше", въ каждомъ молодомъ поколѣнїи создается ложное внушеніе о любви, дѣлающее эту страсть одною изъ самыхъ гибельныхъ для человѣчества. Литературное внушеніе изъ читающихъ классовъ проникаетъ въ нечитающіе и ослабляетъ способы борьбы съ этою страстью, вырабатываемые всякой естественной, патріархальной культурой. Въ деревенской средѣ, гдѣ народъ не испорченъ (у старовѣровъ, напр.), тамъ молодежь воспитывается цѣломудренно и религіозно, половое влеченіе презирается внѣ брака, и вообще никакихъ "романовъ" и "драмъ" не полагается, всякія попытки къ нимъ гаснутъ въ общемъ внушенїи, что это грѣхъ и позоръ. Поэтому здоровое влеченіе обоихъ половъ здѣсь крайне рѣдко развивается въ страсть, регулируясь ранними и крайне строгими браками. Не то мы видимъ въ среднихъ, не трудовыхъ классахъ съ утраченной религіозностью, съ ослабленнымъ представленіемъ о добрѣ и злѣ" (стр. 11–12). Слѣдуетъ далѣе ссылка на Лукреція и его гимнъ Венерѣ, какъ доказательство испорченности "среднихъ классовъ", хотя Лукрецій жилъ въ первомъ вѣкѣ до Р. Хр. и никакого отношенія къ нашимъ "среднимъ классамъ" никогда не имѣлъ.

Но Богъ съ нимъ, съ Лукреціемъ. Если начать высчитывать всѣ ошибки и курьезы учености г. Меньшикова, въ родѣ, напр., того, что "за порицаніе Елены Аргивской былъ ослѣпленъ Гомеръ" (стр. 39),— мы никогда не кончимъ его скучно-напыщенной канители. Приведенный образчикъ

размышлений г. Меньшикова чрезвычайно для него характерен. Съ поразительной смѣлостью, не сморгнувъ глазомъ, онъ, не обвиняясь, переувеличиваетъ одно, какъ въ данномъ случаѣ вліяніе литературы, и извращаетъ другое, какъ противопоставляемую имъ добродѣтель народа и испорченность среднихъ классовъ. Драмъ и романомъ на любовной подкладкѣ въ народной средѣ никакъ не меньше, чѣмъ и во всякой другой, ибо, выражаясь просто, "всѣ люди, всѣ чело-вѣки*". Причемъ тутъ литература? Если гдѣ меньше всего она имѣетъ вліяніе, такъ именно въ дѣлѣ любви, въ виду общности этого чувства, коренящагося въ одинаковой организациіи чело-вѣческой природы на всѣхъ ступеняхъ соціальной лѣстницы. Только въ народной средѣ любовныя драмы принимаютъ особо-ужасный характеръ, благодаря непосредственности, несдержанности чувства, проявляющагося въ грубѣйшей формѣ, и драма, въ родѣ толстовской "Власти тьмы", можетъ служить хорошей иллюстраціей къ народной любовной хроникѣ.

Распространяться на эту тему значило бы идти по стопамъ г. Меньшикова, пережевывая всякое старье, давнымъ-давно ставшее ходячимъ мѣстомъ. Но и слѣдовать за нитью его разсуждений оказывается прямо-таки невозможнымъ. Постоянно смѣшивая два понятія – чувственность и здоровое чувство любви, авторъ до того перепутываетъ эту нить, что нѣтъ силъ разобраться въ навороченной имъ кучѣ своихъ и чужихъ афоризмовъ, то вѣрныхъ, хотя и старыхъ, какъ міръ, то

смѣшныхъ до наивности. То онъ заявить, что прежде люди были здоровѣе и сильнѣе, потому что прежде бракъ рѣшался родителями, которые подбирали невѣсть и жениховъ, отнюдь не руководствуясь ихъ чувствомъ. Въ доказательство — опыты хозяевъ, которые "не дожидаются, чтобы самецъ самъ выбралъ самку по своему вкусу; напротивъ, они этого боятся и не допускаютъ. "То, наоборотъ, "выборъ жениха и невѣсты долженъ быть предоставленъ имъ самимъ", но съ условіемъ, чтобы ими руководило отнюдь не чувство любви, а дружбы. Слѣдуютъ доказательства, что въ любви не руководствуются высшими соображеніями, ибо любовь есть "психозъ, помраченіе разума, гипнозъ" и т. п. Такъ, великіе люди по большей части женятся на женщинахъ гораздо ниже ихъ по достоинству, примѣръ — Гете, Данте, Мольеръ, Гейне и проч. Отсюда выводъ — если ужъ жениться, то лучше безъ любви. Хотя, поправляется авторъ, "я этой страсти ни отрицать, ни утверждать не могу, она явленіе природное, въ своемъ корнѣ отъ насъ не зависящее". А если такъ, то... опять прыжокъ въ сторону, къ какимъ-то невѣдомымъ временамъ, когда "берегли не только физическую, но и психическую невинность юношей, какъ зеницу ока, старались имъ не давать никакого понятія объ этой сторонѣ жизни, скрывали половую любовь, какъ нѣчто постыдное, въ глубокой тайнѣ. Тогда инстинктивно понимали, что "придетъ пора" и все откроется, но лучше, чтобы это открылось людямъ взрослымъ, съ созрѣвшей волею и разумомъ, съ укрѣпившимися понятіями

о чести, съ привычкою относиться къ лицамъ другого пола безукоризненно и безгѣлесно". Авторъ не опредѣляетъ, когда это было, заявляя только, что "въ старину, въ хорошихъ семьяхъ", но воздерживаясь отъ указанія на литературу по этому вопросу. И очень понятно почему. Намъ слишкомъ хорошо извѣстно, что творилось въ эту старину, подъ покровомъ невѣдѣнія, и тайны и исторія "дѣвичей" еще не такъ далека отъ современной русской жизни. И прежде, конечно, и теперь были и есть образцовыя семьи. Но ужъ если сравнивать прошлое отношеніе къ любви и современное, беря не исключительные случаи, а среднее проявленіе этого чувства, то безспорно эти отношенія стали теперь и чище, и разумнѣе, и возвышеннѣе. Стоитъ только вспомнить, что представляла русская семейная жизнь еще лѣтъ пятьдесятъ назадъ какъ она отразилась въ драмахъ Островскаго, въ произведеніяхъ Грибоѣдова, Гоголя, Тургенева, въ "Пошехонской старинѣ" Салтыкова и т. п. Тутъ играло роль не только крѣпостное право, страшно принижавшее все и всѣхъ, но и грубое невѣжество, отъ котораго мы, къ несчастью, теперь еще далеко не освободились, какъ свидѣтельствуеть книга г. Меньшикова. Въ чемъ угодно эта "старина" пусть служитъ урокомъ, но никакъ не въ дѣлѣ любви можемъ мы у нея поучиться нравственности.

Въ слѣдующей главѣ "Суевѣрія и правда любви", самой афористической, гдѣ Шопенгауеръ цитируется на ряду съ парижскими кокотками, въ родѣ знаменитыхъ Иветъ и Отеро,

г. Меньшиковъ побѣдоносно ниспровергаетъ "культъ" любви, понимаемой какъ только физическое чувство, не облагороженное никакими высшими стремленіями. Побѣда его, довольно-таки жалкая по существу, такъ какъ онъ штурмуетъ открытыя двери и учиняетъ разгромъ беззащитныхъ. Мы бы охотно увѣнчали его лаврами, если бы не было смѣшно читать, когда онъ громить "дамъ", которыя извращаютъ смыслъ евангельскихъ словъ о любви для оправданія своихъ faux pas. Курьезнѣе всего въ этой главѣ его разборъ "Ромео и Джульетты", дѣлаемый имъ съ точки зрѣнія аскета-моралиста. Видите, видите, торжествуетъ г. Меньшиковъ, къ чему ихъ привела любовь? Родителей не слушались, родственными чувствами небрегли и погибли. Ну какъ же послѣ этого любовь не безуміе? Ясное дѣло, да. Но не безумень ли г. Меньшиковъ со своей критикой, основанной на абсолютной морали, не желающей считаться съ грѣшной землей.

Въ третьей главѣ "Супружеская любовь", повторивъ, по обыкновенію съ десятокъ разъ, что основа брака "не расчетъ, на наслажденіе", а взаимное уваженіе, любовь и дружба, имѣющія цѣль – "взаимное сотрудничество въ дѣлѣ жизни", г. Меньшиковъ обрушивается на современную семью, гдѣ этого начала будто бы нѣтъ. Для подтвержденія гибели семейнаго начала приводятся наблюденія автора, въ которыхъ онъ говоритъ о развратѣ... "золотой молодежи" (стр. 138–189). Нельзя сказать, чтобы это было убѣдительное доказательство. Далѣе слѣдуютъ нападенія на нигилистовъ 60-

хъ годовъ (стр. 154 и др.). Запоздалая вылазка понадобилась автору для борьбы съ "лже-либеральной", какъ онъ выражается, теоріей "свободной любви", оправдывающей разводъ. Какова эта критика, пусть судятъ сами читатели: "Честность" въ дѣлѣ брака, — повѣствуетъ г. Меньшиковъ о нигилистахъ, — заключалась въ томъ, что если ваша жена полюбила, вашего пріятеля, вы обязаны были уступить ему честь и мѣсто, ни мало не прекословя, а чуть-ли даже не съ оттенкомъ почтительности. У однихъ беллетристовъ мужъ цѣлуетъ въ послѣдній разъ невѣрную жену и исчезаетъ куда-нибудь, въ Америку, что-ли, у другихъ мужъ доводитъ великодушіе до того, что соединяетъ руки своей жены и любовника, у третьихъ мужъ съ перваго дня брака твердитъ женѣ, что она во всякую минуту свободна, и, наконецъ, добившись ея измѣны, чуть не съ торжествомъ выдаетъ ей отдѣльный видъ или разводъ и даже снабжаетъ деньгами, если любовникъ жены — какой-нибудь интеллигентный пролетарій. На эту тему со всевозможными вариациями написано множество плохихъ романовъ и повѣстей, которые читались (а вѣроятнo, и до сихъ поръ кое-гдѣ читаются) съ восхищеніемъ. Свобода брака! Свобода любви! Вотъ лозунгъ, наиболѣе понятный изъ всѣхъ для распущенныхъ дамъ и кавалеровъ. Положимъ, они и до нигилизма пользовались этою свободою, но прежде она считалась мерзостью, а тутъ вдругъ ее возвели въ достоинство, въ добродѣтель! Немудрено, что десятки и сотни тысячъ дамъ и мужчинъ — нѣскольکو поколѣній

подъ-рядъ – подъ благословеніемъ этой доктрины пускались во всѣ тяжкія и мѣняли свои привязанности чуть-ли не одновременно съ бѣльемъ" (стр. 155).

"Клевещите, клевещите, – говоритъ донъ Базиліо въ "Севильскомъ цирюльникѣ", – отъ клеветы всегда останется что-нибудь". Зачѣмъ, однако, эта запоздалая клевета, это грубое извращеніе литературы 60-хъ годовъ, посвященной вопросу о свободѣ любви? А затѣмъ, чтобы доказать, что современное поколѣніе есть продуктъ такой распавшейся семьи, гдѣ "привязанности мѣнялись съ бѣльемъ", и что теперь нѣтъ истинной семьи. "Лже-либеральное" движеніе требуетъ разрѣшенія развода и будто бы санкціонируетъ теорію свободной любви. Авторъ рѣшительно противъ развода, онъ хочетъ начать "истинно-либеральное" движеніе, которое бы привело къ ненужности развода. Цѣль очень почтенная, но какъ же надѣется достигнуть ея г. Меньшиковъ? Для этого онъ ставитъ *абсолютное* требованіе: выходить замужъ и жениться *безъ любви*, и тогда не будетъ повода къ разводу. "Поводомъ и основою брака можетъ служить только цѣль, указанная при твореніи: необходимость человѣку имѣть *помощника*, помощника не только въ жизненномъ трудѣ, но и въ нравственномъ подвигѣ, для котораго человѣкъ посылается въ міръ, и для дѣторожденія, необходимаго для совершенствованія тѣхъ душъ, которыя еще слишкомъ далеки отъ идеала. И если встрѣчаются мужчина и женщина, которые изъ всѣхъ пригоднѣе для помощи другъ другу, – это и есть поводъ и ос-

нова брака, а вовсе не любовь" (стр. 178).

Договорившись до такого брака, г. Меньшиковъ вполнѣ логически заканчиваетъ книгу главой объ особой "святой любви", для которой ни бракъ не нуженъ, ни дѣторожденіе, потому что такая любовь въ себѣ самой находитъ цѣль и содержаніе. Слѣдуетъ длинное разсужденіе о достоинствахъ и преимуществахъ святой любви, какъ ее представляетъ г. Меньшиковъ, но которая всякому простому, не изощренному въ "эллинскихъ мудрованіяхъ" уму и сердцу покажется чѣмъ угодно, только не любовью. Наворотивъ массу словъ о "безстрастїи", "безкорыстїи", "безпредметности" и "безпредѣльности" этой любви, г. Меньшиковъ ставитъ для опредѣленія такой любви вопросъ, можно ли "одинаково любить и ребенка, и разбойника, который выкалываетъ ему глаза?" – и отвѣчаетъ съ полнымъ душевнымъ спокойствіемъ: "дѣйствительно, святая любовь любить и ребенка, и разбойника". Слѣдуетъ, по истинѣ иезуитски-казуистическое толкованіе, для юродствующей литературы высоко характерное. "Мы, – говоритъ авторъ, – смотримъ на жизнь сквозь наше искривленное сознаніе, подобно тому, какъ сквозь кривыя стекла дома можно подуматъ съ улицы, что отецъ душитъ ребенка, тогда какъ онъ его щекочетъ, такъ и сквозь иллюзорное сознаніе наше всѣ факты жизни могутъ быть извращены относительно ихъ *абсолютной* сущности. Можетъ быть, разбойникъ, замучивая ребенка, т. е. его временное, мгновенное тѣло, тѣмъ самымъ спасаетъ душу. Можетъ быть, это му-

чение необходимо для спасенія самого разбойника, для пробужденія въ немъ искры совѣсти. Можетъ быть, это злодѣйство нужно для того, чтобы потрясти слишкомъ неподвижныя души другихъ людей. Я не рѣшаю вопроса, мотивы Высшей воли мнѣ неизвѣстны, но если вѣрить въ эту волю, то нужно вѣрить также, что она Благо, что страданія наши суть только дурно понятыя нами блага" (стр. 211–212 и далѣе). Не такъ ли во время оно разсуждали господа инквизиторы, сжигая людей для спасенія ихъ души? И неужели въ концѣ XIX в. приходится говорить, что Высшая воля, какъ истинное Благо, не можетъ стремиться къ добру злыми путями? И не потому ли данъ законъ этой Высшею Волею въ словахъ: "нѣтъ той любви больше, какъ если кто положитъ душу свою за друзей своихъ?" Одно изъ двухъ – или этотъ законъ истина, и тогда дѣйственная любовь, предписанная имъ, никогда не примирится съ этими "можетъ быть" г. Меньшикова и не останется безстрастной при видѣ разбойника, выкалывающаго глаза ребенку, или же... Впрочемъ, никакого другого "или" здѣсь и быть не можетъ для нравственно здоровыхъ людей.

Мы видѣли, какъ этотъ проповѣдникъ примѣняетъ свою "святую любовь". Оправдавъ разбойника, онъ съ пѣною у рта накидывается на злополучныхъ нигилистовъ, не обинуясь возводя на нихъ вздорное обвиненіе, будто они развратили и уничтожили семью. Елейный сладкопѣвецъ, не смущаясь, всѣхъ влюбленныхъ величаетъ "свиньями", обвиня-

еть въ "подлости любви", бросаетъ вызовъ "всѣмъ честнымъ" людямъ – признаться, что въ пору любви они всѣ были проникнуты самыми гнусными и низменными порывами. Постоянно твердя – "любовь, любовь", онъ извращаетъ исторію, литературу, подхватываетъ всякія вздорныя измышленія до откровенныхъ глупостей парижскихъ кокотокъ – и все это лишь затѣмъ, чтобы оплевать, огадить, загрязнить то, что скрашиваетъ жизнь бѣднаго человѣчества, что единить людей и въ самомъ сухомъ и черствомъ сердцѣ вызываетъ трепеть добра, милосердія и чистѣйшихъ порывовъ. Съ дикой радостью выхватываетъ онъ, проповѣдникъ любви, всякія уродства, неестественныя проявленія полового чувства и торжествуяще вопіетъ "вотъ она, ваша любовь!"

Все, что угодно, вдохновляло г. Меньшикова, но никакъ не чувство любви. Ибо давно уже сказано: "Если я говорю языками человѣческими и ангельскими, а любви не имѣю, то я – мѣдъ звенящая, или кимваль звучащій. Если имѣю даръ пророчества, и знаю всѣ тайны, и имѣю всякое познаніе и всю вѣру, такъ что могу и горы переставлять, а не имѣю любви, – то я ничто. И если я роздамъ все имѣніе мое, и отдамъ тѣло мое на сожженіе, а любви не имѣю, – нѣтъ мнѣ въ томъ никакой пользы. Любовь долготерпитъ, милосердствуетъ, любовь не завидуетъ, любовь не превозносится, не гордится, не безчинствуетъ, не ищетъ своего, не раздражается, не мыслить зла, не радуется неправдѣ, а сорадуется истинѣ. Все покрываетъ, всему вѣритъ, всего надѣется, все переноситъ."

силь". (Первое посланіе къ коринѳявамъ ап. Павла, гл. 18, ст. 1–7). Вотъ что такое "святая любовь", и ни слѣда ея нѣтъ въ гнусной и человѣко-ненавистнической книгѣ публициста изъ "Недѣли".

Переходъ отъ г. Меньшикова къ г. Розанову – прямой и непосредственный. Это двѣ родственныя души, единомыслящія и единостремящіяся. Раньше мы указали на разницу ихъ стилия. Теперь укажемъ на ихъ общія свойства.

Мы только что видѣли, какъ г. Меньшиковъ стремится изгнать любовь во имя любви, – г. Розановъ продѣлываетъ ту же операцію надъ просвѣщеніемъ, и, къ счастью, съ такимъ же успѣхомъ. Приемы его совершенно тѣ же, что и г. Меньшикова, та же логика, тотъ же абсолютизмъ, та же непреложность и широковысказательная манера, то же самодовольство и глубочайшая увѣренность въ обладаніи полной истиной. "Мысли, изложенныя въ моей статьѣ, – говоритъ онъ о своей статьѣ "Сумерки просвѣщенія", – должны бы быть индифферентны для всѣхъ партій, борющихся за ту или иную систему образованія у насъ ли, въ Западной ли Европѣ; и я имѣлъ нѣкоторую надежду, что для всѣхъ же партій они будутъ цѣнны, потому что вскрываютъ сторону вопроса, ими всѣми равно опущенную. Я не касаюсь ни реализма, ни классицизма въ образованіи; меня занимаетъ скорѣе вопросъ: почему и при классицизмѣ юныя образующіяся души являются такъ мало проникнутыми имъ? Почему, проходя реальную школу, онѣ такъ мало проникнуты бываютъ интересомъ къ ре-

альнымъ наукамъ — этому плоду новаго трехвѣкового европейскаго движенія? Ни одного типа школы я не отвергаю; я изслѣдую только, почему всѣ типы такъ мало достигаютъ своихъ цѣлей, съ такимъ упорствомъ осуществляемыхъ, такъ ярко и, несомнѣнно, благородно желаемыхъ" (стр. 86—87).

Такова цѣль г. Розанова. Въ "Сумеркахъ просвѣщенія" онъ критикуетъ въ началѣ основу современной школы — низшей, средней и высшей, находя всѣ эти школы не отвѣчающими назначенію. Основной недостатокъ заключается въ отсутствіи принципа индивидуальности, въ отрывочности знаній, въ невыдержанности типа для каждой школы. Преимущественно рѣчь идетъ о средней школѣ, но заключенія свои онъ постепенно распространяетъ на всю систему образованія. Онъ указываетъ на шаблонность и формализмъ, на схоластику, изгнавшую изъ средней школы живую жизнь и убивающую личность во имя отвлеченнаго принципа государственности. Всѣ его указанія, какъ видятъ читатели, вѣрны, хотя и не новы, потому что тысячи разъ повторялись въ нашей литературѣ. Если бы г. Розановъ ограничился ими, мы имѣли бы тысячу первую критику современной гимназіи, написанную мучительно тягостнымъ языкомъ — и только. Пожалуй, она даже имѣла бы нѣкоторое значеніе, какъ критика изъ реакціоннаго лагеря, до сихъ поръ упорно отстаивавшаго ломку средней школы, произведенную гр. Д. А. Толстымъ. Въ этомъ и заключалась бы оригинальность г. Розанова. Но, съ другой стороны, какая же критика безъ поло-

жительнаго идеала, и вполне законно его стремление – указать тотъ свѣтъ, который, по его мнѣнію, долженъ разсѣять нынѣшнія сумерки.

Онъ начинается снизу – съ народной школы, которая, какъ и все прочее, подпала нынѣ ложному и вредному вліянію западной цивилизаціи. Надо изгнать послѣднюю изъ всѣхъ закоулковъ низшей школы, вернуть школу въ ея первобытное состояніе. Какъ же сдѣлать это, какъ избавить плѣненную народную школу, гдѣ теперь учать люди, "темные въ просвѣщеніи и въ путяхъ исторіи?" Ибо "темны были въ просвѣщеніи эти люди, когда, набравъ немножко грамматики, немножко ариѳметики, прибавивъ къ этому кое-что по географіи и исторіи, думали, что съ четырьмя своими книжками они внесутъ что-нибудь въ душу, надъ изученіемъ богатствъ которой трудятся первоклассные ученые; темны они были въ путяхъ исторіи, когда думали, что во всемъ разучившійся и ничему не научившійся наемникъ, придя въ деревню съ этими книжками, можетъ начать въ ней новое просвѣщеніе" (стр. 28). Надо вернуться къ "естественнымъ" силамъ. Кто и гдѣ эти силы, ясно само собой. Имѣется въ виду церковно-приходская школа, но отнюдь не та, которую мы знаемъ, съ опредѣленной программой, особыми учителями и подъ надзоромъ высшей власти. "Есть эти силы и для школы, это – силы церкви и всѣхъ, кто, слушая изъ за ограды ея ученіе – болѣе всего его любятъ". "Нельзя довѣрять слѣпому вести зрячаго", говоритъ онъ затѣмъ, и такъ какъ

государство – слѣпо, то "нужно имѣть довѣріе, что зрячій различить пути и не останется на мѣстѣ; не нужно къ церкви приставлять стражей, чтобы она, почти два тысячелѣтія учительная, взростившая въ ученіи своемъ весь христіанскій міръ, не упустила какихъ-нибудь подробностей, въ которыхъ однѣхъ могутъ что-нибудь понимать эти приставленники". Мало того, что не надо никакого контроля надъ такой школой, – не надо для нея ни программы, ни учебниковъ. "Невозможно, не слѣдуетъ устанавливать "отъ сихъ до сихъ" программы: не приподнявъ худое, она закроетъ ростъ доброму". Объ этомъ нечего заботиться. Но вотъ о чемъ слѣдуетъ и даже очень: "Несомнѣнно должны быть удалены изъ элементарной школы тѣ "начатки міровѣдѣнія", какіе обычно сообщаются при началѣ курса географіи (въ средней школѣ на первомъ же урокъ ея перваго класса). Есть нѣчто развращающее въ этомъ сообщеніи... Есть недостатокъ благоговѣйной памяти къ трудамъ Коперника и Кеплера, есть страшное насиліе надъ дѣтскимъ воображеніемъ, насильственное вталкиваніе въ него свѣдѣнія, для насъ любопытнаго, но въ немъ ни на что не отвѣчающаго, ни съ чѣмъ не гармонирующаго и, если вдуматься строже, ничего неправильнаго въ его созерцаніи не поправляющаго. Вѣдь не ошибается же ѣдущій изъ Нижняго въ Москву, думая и говоря, что онъ движется на западъ, хотя въ смыслѣ абсолютнаго движенія, онъ съ чрезвычайной быстротой мчится на востокъ. Именно это только утвержденіе дѣлаетъ и простолюдинъ, думая и гово-

ря, что земля неподвижна – не относительно созвѣздія Козерога или Сириуса, чего онъ не знаетъ и о чемъ не говорить, а относительно его самого, поля, лѣса, города, этихъ плывущихъ облаковъ и тверди небесной, по которой они плывутъ. И также точно говоря, какъ, что солнце восходитъ, онъ ничего другого не говорить, что оно становится ближе къ зениту, выше по дугѣ, соединяющей этотъ зенитъ съ горизонтомъ – что правильно и не нуждается въ опроверженіяхъ. Итакъ, въ его твердомъ созерцаніи все покоится, и никто не оцѣнилъ еще важности этого покоя для устойчивости воображенія, мысли – всего душевнаго строя. Механики и психологи говорятъ, что и всѣ мы не могли бы сдѣлать малѣйшаго движенія, если бы ежеминутно вмѣстѣ съ относительнымъ движеніемъ представляли себѣ и абсолютное, и только при психически необходимой ошибкѣ, при представленіи въ каждый моментъ всего, кромѣ себя, въ покоѣ, – можемъ двигаться. Но если для особыхъ цѣлей научнаго знанія намъ иногда необходимо *вспоминать* и объ абсолютномъ движеніи, это воспоминаніе незачѣмъ навязывать, внѣ всякихъ цѣлей и необходимости, простолюдину" (стр. 85–86). Къ этому разсужденію позволимъ себѣ добавить небольшую историческую справку, забытую г. Розановымъ. Онъ ошибается, будто "никто не оцѣнилъ еще важности этого покоя" земли для души народа. Еще святая инквизиція, въ числѣ обвиненій противъ Галилея, указывала, что онъ своимъ утвержденіемъ, что земля движется, *нарушаетъ* и *смущаетъ* покой невинныхъ душъ.

Указываемъ на это совпаденіе мыслей г. Розанова и судей Галилея, какъ на любопытный примѣръ атавизма. Далѣе мы еще увидимъ такія же проявленія атавизма.

Чтобы устранить все, что нарушаетъ покой "простолюдина", г. Розановъ совѣтуетъ также избѣгать въ этой школѣ всякихъ учебниковъ. Онъ сравниваетъ исторію Иловайскаго и "Синописисъ" XVIII в. и приходитъ къ слѣдующему заключенію: "Въ древнихъ книгахъ, въ большемъ и маломъ объемѣ ("Синописисъ" заключаетъ въ себѣ 224 стр., учебникъ Иловайскаго 397 стр.), по всѣмъ, строго необходимымъ для крестьянскаго воспитанія предметамъ даны свѣдѣнія въ формѣ, не дисгармонирующей съ содержаніемъ. Этой дисгармоніи нельзя вносить, не нарушая смысла въ самомъ предметѣ, цѣлесообразности въ преподаваніи его, значенія во всей школѣ. Итакъ, если отъ бѣдственной идеи учебныхъ программъ еще нельзя скоро освободиться по силѣ предразсудка, нужно, по крайней мѣрѣ, отнять въ нихъ зло эгоистическаго самоволія: ихъ нельзя абстрактно составлять и вызывать ими развратную литературу "руководствъ": но, поработавъ надъ старыми книгами, избранныхъ изъ сокровищъ воспитанія, въ нихъ содержащагося, наилучшее – слѣдуетъ примѣнительно къ этому наилучшему, обнимая его, составить программы" (стр. 88). Иными словами, ради сокровищъ "Синописиса" г. Розановъ готовъ отказаться и отъ выраженной имъ нѣсколько выше (стр. 80) ненависти къ программамъ вообще, которыя, "не поднявъ худое, закроютъ ростъ

доброму".

Свою реформу нашей школы онъ заканчиваетъ слѣдующимъ пожеланіемъ: "Итакъ, мы думаемъ, что достаточно, если одна половина христіанскаго міра (западно-европейская) отдала дары своего первородства за человѣческую похлебку; у насъ же пусть лучше останется мякинный хлѣбъ и христіанство. Вѣдь несомнѣнно, что именно ихъ сознательно и твердо избираетъ и желалъ бы покончить на вѣки этотъ вопросъ народъ нашъ. Не будемъ же опять лукаво подходить къ нему, чтобы, оставивъ ему тлѣнныя вещи, которыя и намъ не нужны, украсть у него нетлѣнное сокровище. Оставимъ ему его общину, холщевую самодѣльную рубаху, и дадимъ, чего онъ въ правѣ требовать и мы не въ правѣ отказать, три десятины на душу" (стр. 87–88). Читателя не должна удивлять манера г. Розанова – говорить отъ имени всего народа русскаго. Это обычная манера юродствующей литературы – превозноситься до олицетворенія въ себѣ Бога, если рѣчь идетъ о вопросахъ вѣры, какъ это дѣлаетъ г. Меньшиковъ, предавая анаѳемѣ чувство любви, или народа, если дѣло касается народныхъ воззрѣній. Нечего спрашивать у г. Розанова, гдѣ и когда народъ "сознательно и твердо" пожелалъ отказать отъ общеобразовательной школы въ пользу уродливой затѣи г. Розанова съ "Синописисомъ" вмѣсто учебниковъ, безъ учителей и безъ программъ? Или кто уполномочилъ г. Розанова такъ просто рѣшить за народъ сложнѣйшій экономическій вопросъ объ общинѣ и трехъ десятинахъ на

душу, – "оставимъ" ему! Кто это "мы", столь могущественные, что достаточно "намъ" сказать "да будетъ" – и община останется у народа неприкосновенной плюсь три десятины земли?.. И съ какихъ это поръ русскій народъ получилъ въ монополию христіанство? На такіе вопросы гг. Меньшиковы и Розановы не отвѣчаютъ, просто потому, что все время они витають внѣ времени и пространства. Иначе тотъ же г. Розановъ вспомнилъ бы, что нигдѣ еще "простолюдинъ" нашъ не отказался отъ современной школы, которая наполнена и переполнена, что никто еще у народа общины не отнималъ и не отниметь. Что же касается трехъ десятинъ, то ихъ мы готовы приписать всецѣло доброй душѣ г. Розанова и охотно ему посочувствуемъ.

Таковъ "свѣтъ", которымъ желалъ бы осіять нашу народную школу г. Розановъ. Думаемъ, что всякая критика здѣсь излишня. Въ своемъ усердіи г. Розановъ, что называется, перехолопилъ. Въ самомъ дѣлѣ, какова ни на есть современная церковно-приходская школа, все же она неизмѣримо выше этого "идеала" съ "Синописомъ" вмѣсто "развратной литературы" руководство, съ тремя китами вмѣсто "развращающихъ" начатковъ міровѣдѣнія, безъ особыхъ учителей, безъ программъ и всякаго контроля. Есть въ этой школѣ и руководство, и программы, и учителя. Правда, все это далеко отъ совершенства, но самый плохенькій учебникъ, по которому учать въ церковно-приходской школѣ, лучше чудовищнаго "Синописиса". По крайней мѣрѣ, хоть трехъ китовъ тамъ

нѣтъ. Противъ "Синописа" возсталъ даже г. Иловайскій, и мы въ этомъ случаѣ всецѣло на его сторонѣ.

Опять-таки это общая черта у всѣхъ юродствующихъ писателей. Они ужъ если начнутъ, такъ хватить что-нибудь такое, что всѣ ихъ присные готовы отъ стыда сгорѣть. Отсутствіе мѣры и такта и излишекъ ревности доводятъ ихъ обыкновенно до неприличія, какъ свидѣтельствуемъ далѣе все тотъ же г. Розановъ.

Приступивъ къ реформѣ средняго образованія, онъ обрушивается на гимназіи, мужскія и женскія, находя, что онѣ только губятъ всѣхъ и ничего не даютъ никому. Больше всего его возмущаетъ смѣшанность въ нихъ учениковъ, и онъ предлагаетъ раздѣлить среднюю школу на два типа, какъ видно изъ слѣдующаго резюме его учебнаго плана: "Должны быть открыты для мірянъ параллельные курсы съ тѣми, какіе проходятъ будущіе священники церковнослужители, гдѣ то, что ими изучается, и только это одно, изучалось бы въ степени очень ослабленной. Тотъ же самый душевный строй, устремленіе вниманія къ тѣмъ же предметамъ, наученіе достаточное, чтобы прибавить къ сердечному слушанію литургіи и слушаніе разумное, – вотъ все, что здѣсь удавалось бы каждому и къ чему для даровитыхъ прибавлялись бы и всѣ сокровища христіанской культуры. Нѣтъ сомнѣнія, что для самыхъ людныхъ классовъ городского населенія, для ремесленника, для мѣщанина, для именитаго купца, съ тарелкой собирающаго подаяніе въ церкви, для всѣхъ этихъ людей,

столь неожиданно изумленныхъ міромъ Ѳемистокловъ и Лициніевъ, свѣченія моря и вертящейся земли, *этотъ міръ* (курсивъ г. Розанова) евангельскихъ притчъ и житій святыхъ, чудной исторіи объ Руеи и поученій Иисуса сына Сирахова былъ бы и неудивителенъ, и глубоко родственъ, и,— мы увѣрены въ этомъ,— не менѣе культуренъ. Такимъ образомъ, средняя классическая школа, какъ это и слѣдуетъ, осталась бы школою для классовъ, уже вышедшихъ изъ культуры только христіанской (т. е.,— поясняетъ г. Розановъ въ примѣчаніи, — для дворянства и бюрократіи, безъ искусственнаго привлеченія, черезъ "преимущества", другихъ классовъ); эта же послѣдняя осталась бы воспитательной для всѣхъ остальныхъ классовъ населенія... Воспитаніе женское, сообразно установившемуся уже историческому теченію (?!), должно быть для городского населенія также двояко: для массы оно должно быть церковное, для нѣкоторыхъ, т. е. также для дворянства и для бюрократіи, то особенное, нѣсколько исключительное, нѣсколько искусственное, но, во всякомъ случаѣ, дѣйствительно образующее, какое дается нашими институтами" (стр. 51–52). Типомъ женскихъ церковныхъ школъ г. Розановъ рекомендуетъ епархіальныя училища, хотя съ горечью и сожалѣніемъ замѣчаетъ: "Они (епархіальныя училища) нѣсколько испорчены только своимъ сближеніемъ съ женскими гимназіями, какъ и семинаріи испорчены черезъ сближеніе со свѣтской школою,— не потому, что она классическая, но потому, что она совершенно не выдержана въ сво-

емь классическомъ строѣ. Изъ курса епархіальныхъ училищъ, какъ и изъ курса семинарій должны быть удалены физика, космографія и,— я глубоко убѣжденъ въ этомъ,— также геометрія и алгебра" (прим. 2, стр. 51)..

Не правы ли мы, говоря, что откровенность г. Розанова,— или его усердіе, не знаемъ, что лучше и вѣрнѣе,— доходить до неприличія? Едва ли кто изъ его единомышленниковъ, за исключеніемъ, конечно, г. П. Перцова, его издателя, рѣшилъ бы откровенно высказать пожеланіе — изгнать изъ средней школы "для массы" вышеназванныя науки, "весь міръ Θεμιστοκловъ и Лициніевъ, свѣченія моря и вертящейся земли". По крайней мѣрѣ, до сихъ поръ это первое громкое и откровенное признаніе, и что бы ни случилось затѣмъ, г. Розанову купно съ г. Перцовымъ надлежитъ пальма первенства за открытое гоненіе на "міръ вертящейся земли",— вмѣстѣ съ тѣмъ и за открытіе такого міра.

Но г. Розановъ и его вѣрный Санчо Панса, г. Перцовъ, на этомъ не останавливаются. Какъ истинно русскіе люди, они не знаютъ предѣла въ своемъ размахѣ и выступаютъ подь конецъ совсѣмъ *au naturel*.

Давъ планъ образованія, они не могли не коснуться и воспитательной стороны бѣднаго человѣчества, и такъ какъ ихъ идеалы назади, то г. Розановъ спокойно и безстрастно заявляетъ, а г. Перцовъ почтительно печатаетъ: "Мнѣ не кажется излишней въ школѣ суровость; я не отвергаю (и думаю, напротивъ, что даже должны быть возстановлены въ ней) фи-

зическія наказанія" (стр. 98). Опасаясь, чтобы его не поняли превратно или иносказательно, г. Ровановъ на стр. 181, при-мѣчаніе, поясняетъ:

"Въ бытность мою учителемъ гимназіи и вмѣстѣ класс-нымъ наставникомъ, ко мнѣ, какъ къ послѣднему, нерѣдко являлись матери учениковъ (всегда вдовы) съ просьбой на-казать розгами (т. е., чтобы это было сдѣлано въ гимназіи) своего разбаловавшагося мальчугана: "сестеръ колотить, ме-ня не слушаетъ, ничего не могу сдѣлать", и проч.; я, ко-нечно, объяснялъ, что это запрещено всѣми параграфами, но, зная конкретно мальчишку способнаго и, что называ-ется, зарвавшагося, потерявшаго голову отъ баловства, все-гда давалъ совѣтъ – обратиться къ кому-нибудь по сосѣд-ству или изъ родственниковъ и больно-больно высѣчь его. И теперь, когда мнѣ приходится видѣть въ богатой и обра-зованной семьѣ лимфатическихъ дѣтей, киснущихъ среди своихъ "глобусовъ" и другихъ "пособій", я всегда, вспоми-ная и свое дѣтство, думаю: какъ бы встряхнулись они, жи-вились, начали тотчасъ и размышлять, и чувствовать, если бы, взамѣнъ всѣхъ этихъ для ихъ любознательности расшпи-ленныхъ букашекъ и запыленныхъ минераловъ, разъ-другой ихъ самихъ впрыснуть по-старому. Все тотчасъ бы перемѣ-нилось въ "обстоятельствахъ": и впечатлительность бы про-будилась, и сила сопротивленія требуемому, – именно *оживил-ся бы* (курсивъ г. Розанова) духъ, который теперь только затягивается какою-то плѣсенью подъ музыку все поученій,

поученій и поученій, все разъясненій, разъясненій и разъясненіи. Розга – это, наконецъ, фактъ; это – насиліе надо мною, которая вызываетъ всѣ мои силы къ борьбѣ съ собою; это – предметъ моей ненависти, негодованія, отчасти, однако же, и страха; въ отношеніи къ ней – я, наконецъ, не пассивенъ; и, уединившись въ себя отъ тѣхъ, въ рукахъ кого она, – наконецъ, свободенъ, то-есть, свободенъ въ душѣ своей, въ мысли, непокоренъ ничему, кромѣ боли своей и негодованія. Я серьезно спрашиваю: чѣмъ, какими коллекціями, какими иллюстраціями и глобусами можно вызвать эту *сложную и яркую* работу души, эту ея самостоятельность, силу, напряженіе? Что касается "униженія челоѳческой природы", будто бы наносимаго розгой, то вѣдь не унизила она Лютера, нашего Ломоносова; отчего же бы унизила современныхъ мальчишекъ?"

Этотъ гимнъ розгѣ заимствованъ авторомъ цѣликомъ изъ древнихъ букварей, современныхъ "Синопису", въ которыхъ на заглавномъ листѣ помѣщались обыкновенно стишки въ назиданіе питомцу, совершенно похожіе по содержанию съ гимномъ г. Розанова. Совершенно "серьезно" спрашиваемъ его: не розгою-ли вызываетъ онъ въ себѣ эту "свободу въ душѣ своей, въ мысли, непокорство", которая проявляетъ въ своей чудовищной проповѣди дикаго мракобѣсія? Намъ представляется невозможнымъ, чтобы образованный челоѳкъ конца XIX в., въ здоровомъ умѣ и полной памяти, могъ серьезно приглашать насъ вернуться къ тѣмъ временамъ, ко-

гда, по словамъ Амоса Коменскаго, школы были застѣнками, а учителя палачами, упражнявшимися во имя науки надъ ея невинными жертвами.

Мы далеко еще не исчерпали всѣхъ откровенныхъ признаній г. Розанова, но и этихъ образчиковъ, думаемъ, достаточно, чтобы оправдать нашу характеристику, сдѣланную въ началѣ. Еще лишь два слова изъ его реформы университетовъ, которыми онъ тоже недоволенъ за "начатки міровѣдѣнія". Но, признавая, что въ наше время все же нельзя отказать человѣчеству въ знаніяхъ, онъ стремится лишь "упорядочить" оныя. "Безусловная несвязанность мысли и ея выраженія должна быть допущена здѣсь – вѣдь безъ этого тотчасъ нарушается самая идея познанія", – не правда ли, какъ "лже-либерально"? Хотя "несвязанность" и не есть еще свобода, но все же для г. Розанова это уже очень много. Однако, не будемъ торопиться. "Но, – предостерегающе подыметъ персть г. Розановъ, – конечно, къ этому высокому праву могутъ быть допущены только тѣ, которые подходили бы къ нему съ священнымъ трепетомъ долга". Первое ограниченіе "несвязанности" – "священный трепеть долга", качество, вообще весьма трудно констатируемое. Познанія, умъ, талантъ, ученая работы – всѣ эти данныя въ глазахъ г. Розанова нѣчто несущественное, внѣшнее, поверхностное: "священный трепеть долга" – вотъ что рѣшаетъ вопросъ о правѣ быть допущеннымъ на кафедру. Согласны, пусть даже это мистически-туманное качество. Но кто же будетъ рѣшать, какой про-

фессоръ обладаетъ имъ, какой нѣтъ? Сами университеты? О нѣтъ: "Доступъ туда (на кафедру) не можетъ быть свободенъ для всякаго, и онъ не можетъ стать предметомъ передачи отъ учителя къ ученику... и не можетъ этотъ доступъ открываться самимъ университетомъ... Мы думаемъ,— совокупности университетовъ, но такъ, чтобы избираемый въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ былъ избираемъ не изъ корпораціи, его избирающей, но изъ другихъ родственныхъ". Замѣтивъ, что онъ предлагаетъ нѣчто сугубо несуразное, г. Розановъ моментально поправляется и уже строго и настойчиво рѣшаетъ: "Это же право, безъ всякаго ущерба для университета и его достоинства, могло бы принадлежать пожизненнымъ ихъ покровителямъ, но непременно — близкимъ имъ... Мы думаемъ, назначеніе отъ государства подобныхъ покровителей *наилучшимъ образомъ* могло бы обезпечить университеты..." (стр. 68). Что же останется отъ "несвязанности мысли и выраженія"? Съ одной стороны — "священный трепеть долга", съ другой — "покровитель", какъ единый судья и вершитель — не получится ли въ результатъ вмѣсто "Сумерокъ просвѣщенія" — сугубая тьма? Въ особенности, если подобранному такимъ образомъ университету былъ бы порученъ, какъ предлагаетъ г. Розановъ, еще и "надзоръ за печатью".

Теперь окинемъ "умственнымъ окомъ" весь планъ просвѣщенія, какъ онъ мерещится распаленному "вспрыскиваніемъ" розгами духу гг. Розановыхъ и Перцовыхъ. Внизу "простолюдинъ", просвѣщаемый "Синописомъ", строго-

оберегаемый отъ "развращающей литературы" руководство съ ихъ "начатками міровѣдѣнія" и блаженно покоящейся на трехъ китахъ невиннаго невѣдѣнія. Для пищи матеріальной – "оставимъ ему общину и три десятины на душу", – словомъ, внизу "мякинный хлѣбъ и христіанство" въ духѣ, конечно г. Розанова. Слѣдующая ступень – среднее образование безъ геометріи, алгебры, физики, географіи, свободное "отъ міра Ѡемистокловъ и Лициніевъ, свѣченія моря и вертящейся земли". Для оживленія "силы сопротивляемости, духа любознательности и свободы въ мысли – розги, въ изобиліи расточаемыя вмѣсто "глобусовъ" и другихъ "пособій". На третьей ступени – университетъ, составленный изъ проникнутыхъ "священнымъ трепетомъ долга" профессоровъ, избираемыхъ пожизненными покровителями по назначенію администраціи. И, наконецъ, какъ увѣнчаніе зданія – печать подъ надзоромъ подобнаго трепещущаго университета. Нельзя этому плану гг. Розановыхъ и Перцовыхъ отказать въ стройности и послѣдовательности. Но, можетъ спросить иной наивный читатель, что же тогда станетъ съ просвѣщеніемъ? Именно то самое, къ чему стремится г. Розановъ: оно будетъ уничтожено во имя индивидуальности, цѣльности и единства типа, который, въ отличіе всякаго другого, мы осмѣлились назвать "юродствующимъ".

Есть одна несомнѣнная заслуга въ юродствующей литературѣ. Доводя до крайности въ своихъ откровенно-циничныхъ признаніяхъ основныя положенія, заимствуемыя ею изъ

источниковъ, пользующихся если не признаніемъ, то вниманіемъ,— эта литература вскрываетъ до очевидности всю дикость этихъ основоположеній. Она показываетъ, во что превратилась бы наша жизнь, какъ частная, такъ и общественная, если бы человѣчество забыло хоть на мгновеніе здравыя требованія ума и сердца. По г. Меньшикову, идеаль семьи — это супружество безъ любви, безъ влеченія брачующихся, основанное исключительно какъ кооперація. По г. Розанову, просвѣщенная въ духѣ христіанства страна — это народная масса, пребывающая во тьмѣ "Синописа", руководимая трепещущими университетами. И тотъ, и другой исходятъ изъ самыхъ, повидимому, высокихъ принциповъ: одинъ во имя якобы поруганной любви, другой — просвѣщенія, нынѣ переживающаго сумерки. Но одинъ изгоняетъ изъ любви необходимѣйшій, существеннѣйшій ея элементъ, безъ котораго любовь превращается въ нѣчто болѣзненное и извращенное. Другой отнимаетъ у просвѣщенія главную его силу — свободу духа, стремясь заковать его въ тѣ старыя оковы, изъ которыхъ человѣчество выбилось путемъ трехвѣковой мучительной борьбы. Одинъ желалъ бы передѣлать человѣческую природу, не замѣчая, что даже съ своей точки зрѣнія наносить этимъ жесточайшее оскорбленіе Высшей волѣ, Тому, чьи будто бы велѣнія онъ готовъ признать благомъ даже въ поступкахъ разбойника, выкалывающаго глаза ребенку. Другой хотѣлъ бы потушить свѣтъ знанія совсѣмъ, потому что этотъ свѣтъ, благодаря плохому устройству свѣтильника,

недостаточно свѣтитъ, или, вѣрнѣе сказать, не такъ освѣщаетъ, какъ угодно его изувѣрской душѣ. Оба, въ заключеніе, выдаютъ себя головой – своимъ лицомъріемъ и кощунственнымъ отношеніемъ къ самымъ дорогимъ для человѣчества силамъ – любви и знанію.

Въ этомъ ихъ приговоръ, въ этомъ ихъ и наказаніе.

Апрѣль 1899 г.